

Судите сами.

История эта произошла в захудалом шахтёском городишке в первые годы «незалежности». Хотя и не было тогда ни войны, ни природных катастроф, ни честно признанного голода, а простой народ страдал не меньше и страдал теперь, главным образом, из-за непростительных ошибок политиков, бездумно коверкающих судьбы людские.

Семья Поповых жила на окраине городка, в стареньком финском домике из двух комнат с верандой. Семью официально называли неполной, поскольку членами её были мать Татьяна Ивановна да сын Максимка, отец мальчика и главный кормилец погиб на шахте пять лет назад. Сейчас Максиму уже двенадцать. Это высокий, чуть худой сутуловатый мальчик с нежным красивым личиком, добродушный и отзывчивый, но одинокий и всеми, кроме матери, отвергнутый. Дело в том, что подросток был психически болен. В раннем детстве он перенёс тяжелую форму менингита, и болезнь оставила на рассудке ребёнка страшный, ничем неизгладимый отпечаток. От сверстников его отличали постоянная заискивающая улыбка на тонких губах, и несколько нарушенная речь, все слова он произносил немного нараспев. Когда мальчику исполнилось семь лет, мать сильно боялась, что сына придётся сдать в интернат для умственно отсталых детей, но медкомиссия признала, что ребёнок не представляет никакой угрозы для окружающих и вполне может учиться в массовой школе, тем более что он умеет и читать и считать в рамках программы. На этот раз судьба улыбнулась Максимке и уберегла его от страшной участи интернатского ребёнка.

Одноклассники невзлюбили больного своего товарища, так часто бывает в детских коллективах. Мудрая и добрая первая учительница изо всех сил старалась оградить несчастного от насмешек и колкостей ровесников, но тщетно. В 4 классе к Максиму Попову накрепко прилипла кликуха «Максимчок-дурачок». Злая дразнилка терзала и без того больную душу мальчика. Став изгоем сверстников, он замкнулся в себе и начал пропускать уроки. Единственным человеком, который никогда не обижал и не унижал его, была мама, которую мальчик любил

больше всех на свете. Выслушивая жалобы сына, Татьяна Ивановна вытирала мокрые его щечки шершавой и очень тёплой ладонью и говорила: «Успокойся, милый мой, они ещё маленькие и ум у них такой же, а вырастут и поймут, что ты у меня самый лучший». Говорить-то говорила, а у самой вся душа закипала от боли и тоски: «Вот взять бы им всем и надрать уши». И в то же время понимала, что это ничего не даст, а только больше обозлит их против сына. Любимым местом Максимки был старый заброшенный ставок. Утром дети шли в школу, а мальчик направлялся туда. Здесь всегда тихо и спокойно. Максим часами мог слушать, как убаюкивающе шуршат камыши и наблюдать, как высовываются из воды пучеглазые головки любопытных зелёных лягушек. Однажды мальчик увидел старого жирного ужа, свернувшегося толстыми кольцами на прогретом от солнца камне. Любой другой человек, испытывая страх и омерзение, постарался бы убить мерзкую тварь, но Максимка тихо подкрался к ужу и осторожно пальчиком погладил его чешуйчатую кожу. Пресмыкающееся подняло голову и грозно зашипело, но мальчик не испугался и продолжал гладить. Змея успокоилась, улеглась снова, и даже глазки прижмурила от удовольствия, настолько приятным показалось ей ласковое прикосновение человеческой руки. Мальчик прошептал ужу: «Ты меня не бойся, я не обижу тебя и не назову дурачком, но и ты меня так не обзывай». Уж, конечно же, послушался и дразниться не стал, чем снискал в Максимкиной ранимой душе большое расположение. Вечером мальчик сообщил матери: «А я друга себе нашел, настоящего». «Кого же?» – удивилась Татьяна Ивановна. «Ужа,» - с гордостью протянул Максим. «Какого такого ужа?!» – с ужасом воскликнула мать. «Живого, он на ставке на каменюке грелся. Я его гладил, и он меня не боялся и не обзывался». Ничего не сказала женщина, а только, всё понимая, горько и тяжело вздохнула. Так и жили они: мать и сын, жили не то, чтобы скромно, а крайне бедно, почти впроголодь. Татьяна Ивановна работала на консервном заводе, зарплату ей, как и многим в то время не платили, рассчитывались продуктами, полученными по пресловутому, опостылевшему всем, бартеру. Низкосортная мука, крупы, сахар, иногда дешёвые консервы – вот и все продукты, какие

появлялись на их столе. Ни фруктов, ни шоколадных конфет, ни даже колбасы Максимка не ел. Был у них, правда, и небольшой огородик. Хозяйка использовала буквально каждый его квадратный сантиметр, чтобы запастись на зиму картошку и овощи. Чувствуя себя единственным мужчиной в доме, мальчик во всем помогал матери; он и огород копал, и сажал, и пропалывал, и урожай в погреб сносил. Всё было ничего, терпимо, если бы не грянула неожиданная беда. По приказу из Киева закрыли единственную в городе шахту, по причине её нерентабельности. А Татьяна Ивановна, как шахтёрская вдова, получала там бесплатный уголь. Запаса в сарайчике внатрусочку хватило на октябрь и ноябрь, а дальше... О себе женщина не думала, она страшно боялась за сына, ведь врачи предупреждали её: мальчику нельзя перемерзать, могут возникнуть рецидивы болезни. Так Максимка стал спать в шапке, постель его мать заранее прогревала бутылками с горячей водой и укутывала сына единственным толстым ватным одеялом. Сама укутывалась тонким байковым да старой мужниной шубейкой, которая почти не грела. Ложились, дрожа, и вставала также. Однажды ночью она проснулась от непривычного сладкого тепла, ощупала себя и поняла, что на ней лежит ватное одеяло. Татьяна Ивановна, как ошпаренная, вскочила и подбежала к кровати Максима. Тот спал, скрутившись калачиком и укутавшись в отцову шубчонку. Значит, больной сын прекрасно понимал, как сильно мёрзнет его мать, и тихонько укрыл её своим одеялом. Мать снова укутала мальчика, а потом долго и безутешно плакала. Утром она взглянула на градусник в их комнате, ртутный столбик показывал 0 градусов. Где же выход искать?

Максимка проснулся, и мать строго сказала ему: «Сегодня ты пойдёшь в школу, и не вздумай уйти с уроков», - и добавила мягче – «там всё-таки теплее». Мальчик послушался и пробыл на занятиях целый день. Вечером Татьяна Ивановна включила электропечку, нажарила картошки, сделала чай из калины, и они долго сидели за столом. Сын, грея руки о горячую чашку, рассказывал маме об уроке русской литературы, который ему очень понравился. Внимательно слушая, мать с трепетом подумала: «Надо же, говорит как хорошо, вроде и не больной вовсе». На мгновение Максимка замолчал, а потом спросил неожиданно:

«Мам, а в темнице сырой тоже холодно, как у нас в доме?» «Вы «Узника» проходили?» – догадалась мать и с горькой усмешкой протянула – «Да, сынок, наверное, и там холод». Ударили первые морозы. Конечно, для людей, у кого в доме топится печка, крепкий морозец только в радость, а вот, что делать тем, у кого эта печь не горит? На свой мертвый очаг мать Максимки и смотреть боялась, ей казалось, что от него тянет ещё большим холодом. Сарай был абсолютно пуст: сломанные ящики, старая тумбочка, даже листья, запасённые осенью, давно уже сторели. Знакомые советовали оставлять на ночь включённой электропечку, но и этого женщина боялась делать: ещё свет отрежут, ведь за него тоже нечем платить. Как-то утром Татьяна Ивановна вышла на кухню и, опустив в ведро с водой кружку, чтобы набрать чайник, услышала лёгкий хруст ледка в ведре. От этого хруста хозяйке стало ещё холоднее, значит, в доме уже минусовая температура. Захотелось долбануться виском об угол безжизненной печки так, чтобы больше никогда не опомниться. Да тут ещё и Максимка проснулся и, закутавшись в одеяло, заявил твёрдо: «В школу я не пойду». «Это почему же?!» – срывающимся от отчаяния голосом простонала мать. «А потому, – с нажимом протянул мальчик, - Я вчера отвечал про крестовые походы и учитель поставил мне «4», а Юрка Жуков сказал, что и дуракам тоже ставят хорошие оценки и все засмеялись». Мать и ругала, и плакала, но всё безуспешно, ответ сына был один: «Сказал - не пойду». Решила тогда Татьяна Ивановна, на свой страх и риск, взять мальчика на работу, ведь в доме он совсем околеет.

Уловив недовольный взгляд начальника, мать взмолилась: «Николай Степанович, разрешите ему побыть здесь, дома он совсем замерзнет». «Таня, я всё понимаю, - тихо проговорил мужчина, - но и ты пойми, не место больному ребёнку среди прессов и кипящих соковарок». Сказал так и подумал: «Надо ей тары да старых упаковок выписать, хоть немного обогреются». В этот день мальчик остался-таки в тёплом цеху.

Вечером возвращались мать с сыном домой. С тёмного неба падали одинокие снежинки, тонкие, ажурные, словно сотканы из дорогого кружева, но их красоты женщина не замечала, голову сверлила одна и та же мысль: «Как

пережить зиму?» Вдруг из-за поворота вырубил старый знакомый, друг покойного мужа Сергей. Чуть под хмельком, добродушный и весёлый он очень обрадовался, увидев Татьяну Ивановну и на всю улицу заорал: «Привет, Танюша, как дела?» «Нормально», - проговорила мать Максимки и попыталась даже улыбнуться, но улыбка вышла кривой и неестественной. Уловив фальш в её голосе, Сергей сказал прямо: «Да ну, говори честно, я же вижу, что не нормально». Татьяна Ивановна не выдержала и, заплакав, призналась: «Замерзаем мы, Сережа, топить совсем нечем, я-то сама всё вынесу, вот Максиму никак нельзя остывать». Сергей оглядел женщину – высокая и статная, не совсем уже молодая, она была по-прежнему красивой. Вот только зубы несколько портили её: нижние все целые, а верхние почти все выпали, остались только два передних, и вставить зубы не давала нищета. Татьяна нравилась ему ещё с молодости, и уже после того, как она стала вдовой, Сергей не раз пробовал подбивать к ней клинья, но всё безуспешно. Понимая, что женщина находится сейчас в безвыходном положении, Сергей ласково проговорил: «Танюш, а я ведь могу помочь тебе; я теперь на «копанке» работаю. Приехал сюда бизнесмен один, нашел угольный пласт, который не сильно глубоко залегает, и нанял нас, нескольких забойщиков, уголь в земле долбать. Работа, конечно, опасная и денег он не платит, этим углём и рассчитывается, но и то дело, его и продать можно и в своём доме топить». Женщина задумалась, а знакомый продолжал, вкрадчиво улыбаясь: «А мы давай с тобой по бартеру теплом меняться: я твою хату согрею, а ты меня». Женщина опешила от полученного предложения, вот так выбор перед ней стал: или изменяй памяти любимого мужа, или единственного больного сына спасай. Татьяна взглянула на Максимку. Он бегал, пытаясь поймать красивого сизого голубя, невдомёк мальчику, что здоровую сильную птицу голыми руками не возьмешь, а поймать её можно лишь тогда, когда она больная и слабая. Немного помедлив, с великим трудом женщина выдавила из себя: «Приходи, согрею». И показалось ей, что в этот момент, она собственными руками душу из себя вырвала. Глаза Сергея торжествующе заблестели, и он с жаром прошептал: «Милая, сегодня же приду».

Когда декабрьские сумерки совсем уже сгустились, во дворе Поповых стукнула калитка. Хозяйка кинулась открывать дверь. Первый взгляд женщины упал не на самого гостя, а на его руки. Сергей, крадучись, шел по тропинке и, в самом деле, нёс увесистый мешок, в котором было полтора, а то и два ведра драгоценного угля. Поставив на кухне свою ношу, мужчин одной рукой крепко обнял Татьяну Ивановну, а другой сразу же полез к ней за пазуху. Ничего не понимая, Максимка испугался, он знал, что раньше, когда у них были деньги, мама прятала их в лифчике, а вдруг она получила зарплату и этот дядька хочет её ограбить. Мама вела себя как-то странно – не закричала, не отшвырнула его руку, а, потупив глаза в пол, тихо сказала: «Сынок, ты пойдёшь погуляй на улицу с Ветерком, а нам поговорить с дядей Серёжей надо». Мальчик послушно вышел и отвязал Ветерка, так звали их рыжего пёсика, хвост которого был настолько пушистым, что, виляя ним, он поднимал лёгкий ветер. Вот потому щенка и называли так. Чужой дядя по-хозяйски задёрнул занавески и в доме погас свет. Бегая по огороду с весёлой собачкой, Максим развеселился и успокоился. Через некоторое время гость удалился, и мама полезла на чердак и стащила оттуда старый Максимкин манеж. Она попросила сына помочь разрубить его, так облезшие лакированные прутья превратились в дрова. Войдя в дом, мальчик увидел у печки полнёхонький ящик угля. В свете лампы куски черного антрацита отливали тусклым сказочным блеском. «Мама, а где взяла ты его?» - восторженно изумляясь, спросил мальчик. «Дядя Серёжа принёс», - сдержанно ответила Татьяна Ивановна. «Ты купила у него, тебе деньги дали?» - не унимался сын. «Да нет, он просто подарил нам его», - последовал уклончивый ответ. Вот и печка в доме загорелась, постепенно по всему дому пошло живое тепло, казавшееся его обитателям настоящим великим блаженством. Сегодня Максимка лёг в постель без надоевшей шапки и, засыпая, слышал, как почему-то тихо, в подушку плачет мама. Так и стал Сергей захаживать к ним раза два в неделю, исправно принося уголь. И каждый раз, во время этих визитов, Максимку отправляли погулять. Мальчик понимал, что тепло в их доме появилось благодаря этому, постороннему для него, дядьке, но, тем не менее, чувствовал к нему острую неприязнь. Она

усилилась ещё больше после того, как однажды Сергей, прощаясь с матерью, поцеловал её и сказал: «Ну пока, крыска моя». Он назвал её так из-за торчащих передних зубов. Татьяна несколько не обиделась, а вот Максимку это сильно оскорбило. Он знал, какими гадкими и мерзкими бывают крысы, а разве его мама на них похожа? Татьяна Ивановна понимала, что сын ненавидит Сергея, ревнует её к нему. Женщину утешала единственная мысль – наступит тепло, и она сама откажется от услуг этого мужчины, к которому, кроме благодарности, ничего больше не испытывала.

Вот и февраль пришёл сырой и промозглый. Максим слепил во дворе снежную бабу, ведра для положенной шляпы не нашел и водрузил ей на голову пустую консервную банку с крышкой. В кокетливой шляпке с козырьком баба вышла очень забавной. Мальчик рассмеялся, только вот Ветерок не веселился, он почему-то тоскливо скулил и заглядывал маленькому хозяину в глаза, словно хотел сказать что-то. Вдруг калитка распахнулась, и показался Сергей, волоча санки с огромным мешком угля. Странно, обычно он приходил по темноте, а здесь явился среди бела дня. Поставив у сарая мешок, он подошёл к мальчику и протянул ему батончик «Сникерс», угощение, которое для каждого простого ребёнка в то время было диковинным лакомством, но Максим батончика не взял. Недоуменно хмыкнув, Сергей протянул с явным раздражением: «Да бери уже, кто тебя дурачка, кроме меня пожалеет ещё». Сергей кинул конфету на лавочку и направился в дом. Это невыносимо обидное «дурачок» гигантским раскалённым молотом ударило Максимку по голове. Охваченный бешеной яростью, он хотел двинуть Сергея в спину, но дверь веранды за ним закрылась. Мать слышала этот разговор и, снимая с гостя фуфайку, попросила: «Не называй его так, Сереженька, он сильно обижается». «Прямо-таки величество, ещё и кочевряжится, - презрительно протянул Сергей, - без меня давно замёрз бы, - и, обнимая женщину, уже мягче добавил, - и без тебя тоже». Татьяна Ивановна прикусила губу: как ни обидно, а ведь он говорит правду. Любовник опустил на кровать и, вздохнув, неожиданно выдал: «Танюш, мы не будем пока встречаться, Вальке моей кто-то донёс, и она закатила большой скандал. Без топлива ты не

останешься, я попросил Толика, напарника своего, он будет возить уголь, ну, а там, смотри сама, можешь и приголубить его, я возражать не стану». Ну, а дальше было всё, как всегда, только уж в последний раз. Несчастный Максимка, не помня себя, побрёл на ставок. От жестокой обиды больная душа мальчика кипела и клокотала. Придя на пустынный берег, он жалобно и протяжно позвал: «Ужик!» Ребёнку казалось, что только он один может сейчас понять и утешить его. Полное безмолвие царило вокруг, его не нарушал даже шелест камыша, а уж, свернувшись где-то в глубокой норе, давно уже пребывал в крепкой зимней спячке. Мальчик сел прямо на снег и долго и безутешно плакал, вздрагивая худенькими плечиками. Потом он вдруг решительно встал и, опустившись на коленки у самой кромки воды, что-то стал ковырять там.

Провожая любовника, Татьяна Ивановна вышла на улицу и беспокойно оглядела двор, Максима нигде не было. Озорная снежная баба, сделанная ним, развалилась на куски, тяжелый мешок с углём упал и раздавил её. Сергей обувался, и лишь только он сделал первый шаг за порог, как огромная, грязная от земли, глыба упала ему прямо на голову. Не успев ничего понять, мужчина рухнул на землю. Из черепа, расколотого тяжеленным камнем, на котором когда-то грелся уж, багровой струйкой хлынула кровь, от неё снег вокруг головы стал быстро таять. Побледневшая от ужаса, женщина посмотрела вверх. На крыше веранды стоял её сын в испачканной грязью куртке. Безобидного мальчика нельзя было узнать – смертельно-бледный, дрожа всем телом, дикими безумными глазами, он торжествующе смотрел на свою жертву. Завыв от отчаяния и страха, Татьяна Ивановна поманила его к себе. Максимка спрыгнул с крыши, обнял мать и, стуча зубами, простонал: «Теперь он никогда не скажет, что ты – крыса, а я – дурачок».

А на лавочке раскисал от мокрого снега «Сникерс» с его толстым-толстым слоем шоколада, который, увы, никому не был нужен.

Галина Пономарёва.